

109) описан и опубликован ряд древних памятников круглой скульптуры, в том числе — изваянная из камня статуя высотой более чем в 2,5 м, найденная в вертикальном положении в земле около села Хинислы Шемахинского района. Этот уникальный памятник Кавказской Албании привлек внимание Германской Академии наук в Берлине, запросившей материал для его публикации в Германии.

Из работ, посвященных истории Мидии Атропатены, назовем статьи З. И. Ямпольского «Несколько слов о борьбе мидян против Александра Македонского и его преемников» (ДАН Азерб. ССР, т. X, 1954, № 5, стр. 379—381), «О значении термина „атропат“» (ДАН Азерб. ССР, т. XI, 1955, № 3, стр. 215—219), «К истории Атропатены III в. до н. э.» (ДАН Азерб. ССР, т. XII, 1956, № 10, стр. 763—767).

По другим, не связанным с Атропатеной и Кавказской Албанией вопросам древней истории опубликованы исследования Н. И. Бурчак-Абрамовича: «Фауна верхнепалеолитической стоянки окрестностей сел. Довгиничи на Волынском Полесье» (Тр. ЕИМ, т. IX, 1954, стр. 254—309) и «Древний крупный рогатый скот Триалетского хребта в Цалкинском районе» (Тр. ЕИМ, т. IX, 1954, стр. 157—195), работа Н. А. Алекперовой «Описание костей домашнего барана из древней Пантикапеи (Керчи)» (Тр. ЕИМ, т. VIII, 1954, стр. 5—13), М. М. Эриванского «Аграрный вопрос в демократической и консервативной литературе последних десятилетий Римской республики» (УЗ АГУ, 1955, № 9, стр. 127—135), «Аграрный вопрос в Риме в период гражданской войны 40-х и 30-х годов до н. э.» (УЗ АГУ, 1956, № 4, стр. 39—50), «Аграрная программа 64 г. в законах Флавия и Юлия» (УЗ АГУ, 1956, № 9, стр. 97—114), «Аграрное движение в Италии начала I века и сулланская реакция» (УЗ АГУ, 1957, № 3, стр. 91—96). 2400-летию со дня рождения Аристофана посвящена статья А. А. Султаны «Аристофан» (УЗ АГУ, 1955, № 1, стр. 93—98). А. А. Торопков опубликовал статью «Философы античной Греции о развитии материального мира» (Тр. ИИ, т. III, 1953, стр. 157—172).

В заметке С. Д. Бергельсона «К анализу названия „мугама Маур хинди“» (ДАН Азерб. ССР, т. XIII, 1955, № 5, стр. 587—589) ставится вопрос о сохранении в современных музыкальных терминах, формах музыкальных инструментов и во внешних приемах исполнения музыкальных произведений следов древней музыкальной культуры. На основании этой методики азербайджанский мугам «Маур хинди» предположительно связывается с музыкой времен знаменитой древнеиндийской династии Маурья.

В обзорных статьях А. С. Шакирзаде и Э. М. Ахмедова «Научно-педагогическая и общественная деятельность А. О. Маковельского» (ИАН Азерб. ССР, 1954, № 10, стр. 111—120) и «О научной деятельности и научных трудах А. О. Маковельского». (Тр. АГУ. Серия логики и психологии (филолог. факульт.), вып. IV, Баку, 1954, стр. 5—10) дается краткая характеристика научных работ одного из крупных советских специалистов по истории античной философии акад. АН Азерб. ССР, чл.-корр. АН СССР А. О. Маковельского.

И. Р. Селимханов опубликовал рецензию на книгу: «Handbuch der ältesten vorgeschichtlichen Metallurgie in Mitteleuropa, Lpz, 1952» (ИАН Азерб. ССР, 1956, № 9, стр. 101—102).

Древней истории уделяется внимание и в общих работах по истории и историографии, опубликованных научными учреждениями Азербайджанской ССР. Примером этого могут служить статьи вице-президента АН Азербайджанской ССР А. С. Сумбатадзе «Развитие общественных наук в Азербайджанской ССР за годы Советской власти» (ИАН Азерб. ССР, 1957, № 10, стр. 77—110) и И. М. Джафарзаде «К вопросу древней истории Азербайджана по археологическим данным» (в кн: «10 лет АН Азерб. ССР», Баку, 1957, стр. 608—622).

В «Трудах объединенной научной сессии по общественным наукам Академии наук СССР и Академий наук закавказских республик» (Баку, 1957, стр. 95—131) опубликован доклад С. Т. Еремина «Основные проблемы периодизации истории народов Закавказья» и прения по этому докладу. Изданная Институтом истории АН Азерб.

ССР «История Азербайджана» (т. 1, Баку, 1958) содержит краткий обзор истории Машы, Мидии Атропатены и Албании с учетом археологических раскопок и исследований последних лет.

В обобщающей книге «Очерки по древней истории Азербайджана» (Баку, 1956, 169 стр.) помещены работы И. М. Д ж а ф а р з а д е «Древнейший период истории Азербайджана» (стр. 7—56) и И. А л и е в а «Мидия — древнейшее государство на территории Азербайджана» (стр. 57—169). Группа научных сотрудников Музея истории Азербайджана Академии наук Азерб. ССР издала отдельной популярной книгой «Памятники истории Азербайджана» (Баку, 1956, 158 стр.). В ней содержатся фотографии и краткие описания основных памятников Азербайджана, созданных на протяжении многих веков, со времен палеолита до наших дней.

Систематическая экспозиция Музея истории Азербайджана Академии наук Азербайджанской ССР включает в свой состав разделы древней истории. Краткая характеристика разделов древней истории дана в статье Н. А. К а з и е в а «Научные основы и задачи экспозиции Музея истории Азербайджана с древнейших времен до X века» (Тр. МНА, т. II, 1957, стр. 7—18).

З. Ямпольский

ЗАСЕДАНИЕ, ПОСВЯЩЕННОЕ ПАМЯТИ ЦИЦЕРОНА

В этом году отмечается знаменательная дата — две тысячи лет со дня смерти Цицерона. В связи с этим в Институте истории АН СССР состоялось заседание межинститутской группы по изучению античности, созданной в 1957 г. На заседании были заслушаны доклады М. Е. Грабарь-Пассек (Институт мировой литературы), Ф. А. Петровского (Институт мировой литературы), Е. М. Штаерман (Институт истории), по окончании которых развернулись прения.

Тема доклада проф. М. Е. Г р а б а р ь - П а с с е к — «Политическая установка Цицерона в доконсульский период». Автор доклада отметила, что по этому вопросу до настоящего времени в научной литературе нет единого мнения, и поставила перед собой задачу пересмотреть одну из наиболее распространенных точек зрения на Цицерона, как на сторонника популяров до 63 г. до н. э., и изменившего им после этого времени.

М. Е. Грабарь-Пассек считает, что доконсульский период жизни и деятельности Цицерона следует подразделить на следующие этапы: годы юности (106—82 гг.), период его первых выступлений во времена сулланской диктатуры и период речей против Верреса, написанных тогда, когда сулланская конституция находилась в стадии разрушения.

Анализ биографических данных и речей Цицерона подводит докладчицу к заключению о том, что Цицерон, происходивший из всаднического сословия, был воспитан в духе преклонения перед суровой доблестью предков. На первых порах, в бурные годы борьбы между сулланцами и мариянцами Цицерон не проявлял себя сколько-нибудь заметным образом на политической арене, занимая осторожную, выжидательную позицию. «...Конечно, мы не имеем достаточно фактов, чтобы считать абсолютно доказанным заложенные в нем с юности консервативные взгляды, — говорит М. Е. Грабарь-Пассек, — но служба в войске Помпея Страбона и быстрый отказ от военной карьеры, длительные годы, проведенные в полной неизвестности, обучение у философа-академика и двух аристократов-юристов и, наконец, оставшееся на всю жизнь преклонение перед „заветами предков“, их республиканскими доблестями, — все это обрисо-

вываает образ молодого Цицерона как человека, не столько ставшего на чью-либо сторону, сколько в своей юности, пришедшейся на исключительно бурную эпоху истории Рима, стоявшего в стороне от исторических событий».

В последующий период, во время диктатуры Суллы, в речах «За Росция Америкского» и «За Публия Квинкция» Цицерон выступает в качестве защитника интересов оппозиционной по отношению к Сулле знати. Вместе с тем он выдвигает требования в пользу всадников, которые более других пострадали от сулланской конституции.

Наконец, знаменитый процесс против Верреса был смело использован Цицероном в интересах всаднического сословия. Веррины открыто направлены против сенатских судов.

Подводя итоги, докладчица подчеркнула, что ни яростные выступления Цицерона против диктатуры Суллы, ни его негодование на сенатские суды не свидетельствуют о демократических воззрениях Цицерона и не соответствуют политической установке популяров.

М. Е. Грабарь-Пассек останавливается на том факте, что Цицерон называл себя «*homo novus*», противопоставляя себя этим родовой аристократии. «Было бы неверно, — замечает она, — отождествлять тех *homines novi*, представителем и выразителем чаяний которых является и считает себя Цицерон, с теми людьми, которых Саллюстий называет „*genus novatum cupidi*“». Выражая интересы материально обеспеченной общественной группы, Цицерон не преследовал подлинно демократических целей, а стремился лишь к завоеванию для представителей своего всаднического сословия «места под солнцем». Он был сторонником старой консервативной республики и стоял за согласие и дележ власти между наиболее состоятельными в имущественном отношении сословиями, сенаторским и всадническим. Что же касается партии популяров, то Цицерон ей не только не симпатизировал, но и предостерегал от нее сенат. «Потому Цицерон и не мог быть ренегатом по отношению к партии популяров, что он никогда не был популяром», — резюмирует М. Е. Грабарь-Пассек.

Заканчивая свое выступление, М. Е. Грабарь-Пассек подчеркнула, что то «новое», к чему неудержимо шло римское государство, была диктатура, принципат, империя, против чего всю жизнь упорно и последовательно выступал «*homo novus*» Цицерон.

Ф. А. Петровский посвятил свой доклад литературно-эстетическим воззрениям Цицерона.

В многообразном литературном наследии Цицерона докладчик выделил материалы характеризующие воззрения Цицерона на ораторское искусство, художественную литературу и на место художника в обществе.

Известно, что ко времени Цицерона ораторское искусство или, как уточняет докладчик, — ораторское мастерство, достигло значительного развития. Однако теория красноречия ограничивалась, по-видимому, в основном утилитарными целями ораторов-профессионалов, выступающих в судах. Цицерона это не удовлетворяло, и он мысленно создал образ идеального оратора. Идеальный оратор, по мнению Цицерона, должен сочетать природный талант с высоким и разносторонним образованием. В изучении изящной литературы Цицерон видел не только возможность отдохнуть и способ совершенствовать искусство оратора, но также надежное средство воспитания мужественных и доблестных характеров, образцы которых имеются в произведениях художественной литературы. Цицерон призывал относиться с почтением к писателям и в особенности к поэтам, ибо благодаря своему «божественному дарованию» они могут воспевать подвиги выдающихся представителей народа и еще больше увеличивать его славу.

Установив, что основное назначение изящной литературы Цицерон видел в ее общественной полезности, автор доклада показал отрицательное отношение Цицерона к поэтам-исотерикам, замкнувшимся в своем творчестве и не желавшим служить обществу.

Далее Ф. А. Петровский обратил внимание слушателей на то, что, совершенствуя язык своей прозы, Цицерон оставался в области поэзии сторонником устаревшего для

его времени языка и не хотел замечать в творчестве упомянутых поэтов свойственного ему самому стремления к улучшению литературного латинского языка.

На первое место по общественной полезности Цицерон ставил эпическую поэзию, изображающую жизнь народа и государства. Второе место он отводил трагедиям, передающей «душевные движения» человека.

В докладе было отмечено, что, в отличие от современности, в древнем Риме и Греции ораторское искусство занимало самостоятельное место в литературе, ему специально обучали, о нем писали теоретические сочинения. Цицерон придавал ораторскому искусству первостепенное значение, рассматривая его как художественное творчество. Не видя принципиального различия между стихами поэтических произведений и ораторской прозой, Цицерон считал основным достоинством любого художественного произведения (в том числе и произведений изобразительного искусства) его «естественность». Естественность, согласно Цицерону, заключается в тщательной отделке языка и в строгой дифференциации стиля в зависимости от тематики произведения, его формы (поэма или выступление оратора) и назначения (речь, письмо к друзьям и т. д.).

Цицерон, стремившийся воплотить в своих трудах гармоническое слияние творчества и искусства, добивавшийся соответствия языка и сущности произведения, «создал для последующих поколений, — заключает Ф. А. Петровский, — такой же образцовый, художественный латинский язык, какой для нас был создан Пушкиным».

В своем докладе «Рабский вопрос у Цицерона и Сенеки» Е. М. Штаерман выступила против распространенного в современной буржуазной литературе мнения о том, что, начиная с установления империи, роль рабов в производстве и влияние института рабства на социально-экономическое и идеологическое развитие общества уменьшается. При этом обычно обращают внимание на то, что великие восстания рабов падают на II — I вв. до н. э., отмечают, что после сицилийского восстания рабовладельческое отношение к ним осуждается, что смягчение участи рабов находят свое выражение в законодательстве эпохи империи.

На обширном фактическом материале докладчик доказывает, что у Цицерона «рабскому вопросу» отводится далеко не первое место, тогда как в трудах Колумеллы, Сенеки и других авторов содержанию рабов и взаимоотношениям господ с рабами уделяется очень много внимания. Е. М. Штаерман объясняет это следующим образом. В эпоху II — I вв. до н. э. наряду с рабским трудом широко использовался труд свободных наемных работников — клиентов, колонов. Значит, несмотря на огромный приток рабов из военнопленных, рабский труд еще полностью не овладел производством. Своих главных противников правящий класс римского общества видел тогда не в рабах, а вообще в немущих. Поэтому рабовладельцы в случае необходимости не боялись вооружать своих рабов.

В эпоху империи раб становится основным производителем материальных ценностей. От труда и покорности рабов зависит благополучие и безопасность рабовладельцев. Эксплуатация рабов усиливается. В ней принимают участие в той или иной степени все прослойки свободного населения. На первый план выдвигается противоречие между рабами и свободными. Рабовладельцы осознают всю опасность, которую таит в себе масса угнетенных рабов, приобретает первостепенное значение «рабский вопрос», развиваются и разрабатываются теории более гуманного отношения к рабам. Таким образом, эпоха империи не является периодом уничтожения различий между рабами и свободными, периодом исчезновения влияния рабства на все стороны римского общества.

* * *

Первым в прениях выступил В. П. Кузнецин (МГУ), выразивший несогласие с положениями, выдвинутыми в докладе Е. М. Штаерман. Сравнивая данные Варрона и Колумеллы, он утверждает, что развитие производительных сил и роль рабов в производстве в I в. до н. э. были выше, чем в I в. н. э. Наивысший расцвет рабовладель-

ческих отношений, по его мнению, падает на I в. до н. э. — IV в. н. э. Позднее рабовладельческий способ производства перестает быть прогрессивным. В заключение В. П. Кузицын вносит предложение об организации дискуссии о времени наивысшего расцвета рабовладельческого способа производства.

По докладу М. Е. Грабарь-Пассек выступил С. Л. Утченко (Институт истории АН СССР). Не оспаривая основного вывода докладчика о том, что Цицерон никогда не был ренегатом по отношению к популярам, поскольку никогда популяром не был, он остановился на анализе терминов *populares* и *optimates*. Общераспространенная точка зрения на оптиматов и популяров как на политические организации побилитета и плебса, «партии», является, по его мнению, неудовлетворительной, не подтвержденной источниками.

Проследив словоупотребление Цицерона и применение им термина «*optimates*», С. Л. Утченко приходит к заключению о том, что Цицерон не рассматривал оптиматов как политическую группировку. В связи с этим пересмотра и уточнения содержания требует и термин «популяры».

Затем выступил В. М. Смирин (Издательство АН СССР). Нельзя не согласиться с тезисом М. Е. Грабарь-Пассек, — сказал он, — об отсутствии резкого перелома в развитии политических воззрений Цицерона, однако аргументация отдельными высказываниями из речей не всегда надежна. Сам Цицерон предостерегал против желания видеть в речах ораторов отражение их собственных взглядов. В частности, при попытке охарактеризовать точку зрения самого Цицерона на события 80-х годов до н. э. требуется установить, что является данью условиям произнесения речи. Так, едва ли можно придавать серьезное значение выпадам Цицерона против противников Суллы. Напротив, можно найти данные, позволяющие предполагать, что Цицерон сочувственно относился к наиболее умеренной части сторонников Цицины (вопрос о составе враждебной Сулле «партии» сам требует уточнения), так же как и к примирительно настроенной группировке сената.

С. Я. Шейнман-Топштейн (Издательство АН СССР) посвятила свое выступление литературоведческим взглядам Цицерона. В дополнение к докладу Ф. А. Петровского она отметила, что Цицерон высказывал весьма интересные соображения по вопросам поэтического творчества, имеющие самостоятельное теоретическое значение. Примером тому может служить его трактат «Оратор». С. Я. Шейнман-Топштейн выдвинула ряд проблем, требующих специального изучения: о связи литературных идей Цицерона с его политическими взглядами и литературно-идеологической борьбой его времени, о философских источниках эстетических воззрений Цицерона, о его просветительных тенденциях. Все это, — заключает выступавшая, — делает тему «Литературно-эстетические взгляды Цицерона» очень перспективной.

И. Борц

НАСКАЛЬНАЯ ЖИВОПИСЬ САХАРЫ

Книга известного ученого и знатока Сахары Анри Лота — «Доисторическая живопись Сахары»¹ является предварительным кратким отчетом об интереснейших открытиях, сделанных руководимой им экспедицией в 1956—1957 гг. в Тассилийском массиве, расположенном между оазисами Джане и Ра, недалеко от Ливийской границы. Выход книги был приурочен к выставке материалов этой экспедиции,

¹ Peinture préhistorique du Sahara. Mission H. Lhote au Tassili, P., Musée des Arts Décoratifs, Novembre 1957 — Janvier 1958.

в первую очередь многочисленных копий с древних росписей, значительно расширивших наше представление о первобытном искусстве Сахары. Выставка заслуженно пользовалась огромным успехом.

Первые наскальные изображения в Тассили были случайно обнаружены в одной из пещер еще в 1909 г. Следующая небольшая группа наскальных росписей была открыта в 1912 и затем обследована в 1925 г. В конце 20-х и в 30-х гг. были сделаны еще некоторые находки первобытной живописи, и вышло несколько трудов, посвященных наскальным гравюрам и росписям Африки². Но только почти четверть века спустя, в 1956—1957 гг., удалось организовать длительную экспедицию, проработавшую в Сахаре 16 месяцев под руководством А. Лота. Результаты ее превзошли самые смелые ожидания: было найдено несколько тысяч живописных изображений, насчитывающих до шестнадцати слоев, что дало огромный материал по истории первобытного общества и его искусства. В самых, казалось бы, необитаемых местах были открыты наскальные росписи в таком количестве и такого разнообразия стилей, что, пожалуй, Сахару надлежит признать теперь самым крупным центром доисторической живописи в мире.

Подробное изучение добытого материала потребует еще многих лет работы. Но уже сейчас А. Лот считает возможным наметить следующие этапы создания наскальных изображений, относящихся к различным эпохам первобытного общества.

В результате исследований последних тридцати лет было установлено, что Сахара не всегда была пустыней и что в далеком прошлом ее географические условия были более благоприятны для жизни. Пролетающего на самолете над Сахарой человека поражает не только отсутствие растительности, но и огромное разветвление сухих лощин, бороздящих ее однообразную поверхность цвета жженой глины. Извивы этих лощин, прорезающих горные плато и невысокие равнины, не случайны, — они некогда были полноводными реками. Некоторые из них относились к бассейнам Нигера и Чада, другие впадали в такие закрытые бассейны, как Шотты и Арауанская впадина, к северо-востоку от Тимбукту.

Свидетелями этого прошлого являются рыбы и амфибии, до сих пор населяющие озера Тассили, Хоггара, Мавританского Адрара. Еще недавно в Тассили водились крокодилы, и до сих пор они попадают в Мавританию. Некоторые виды растений умеренного климата, встречающихся в средиземноморском бассейне, сумели противостоять засухе: на вершинах Тассили и Хоггара, где высота немного смягчает страшную жару, все еще растут кипарисы и дикие оливковые и фисташковые деревья.

Исследователи Сахары обнаружили там много следов пребывания человека: попадались то каменные полированные топоры, то кремневые наконечники стрел, то обломки древней керамики. Обычно эти находки сосредоточены вдоль древних долин, в совершенно пустынных местах, где теперь невозможна никакая жизнь.

По мнению А. Лота, Африка была колыбелью человечества не в меньшей мере, чем Европа. Густота ее населения в эпоху раннего палеолита достигала большой плотности, что доказывают разбросанные повсюду — от горных массивов, вдоль долин до самого океанского побережья, тяжелые орудия техники двухсторонней оббивки. Чаще они встречаются разрозненно, но их находили и на стоянках вместе с золой и остатками пищи. Среди последних были обнаружены кости древнего слона, большого гиппопотама, древнего буйвола, зебры, рыбы из породы сомовых и других исчезнувших видов.

Люди этой эпохи жили охотой, рыбной ловлей и сбором ягод и злаков. К какой расе

---

² См. G. Flaminio, *Les Pierres Ecrites*, Paris, 1921 (о наскальных гравюрах Южного Орана и Сахары); H. Winkler, *Rock-Drawings of Southern Upper-Egypt* (название работы дано по книге А. Лота (см. ссылку 1-ю); Th. Monod, *L'Adrar Ahnet.*, Paris, Institut d'Ethnologie, 1932; H. Breuil et H. Lhote, *Les Roches Peintes du Tassilin-Ajjer*, Paris, Arts et Metiers Graphiques, 1954 (каталог росписей Тассили, открытых в 30-х годах).